Вторая партия

Свадебный марш в миноре

Детективный роман

Елена Копс

Елена Копс

Вторая партия. Свадебный марш в миноре

«Автор»
2026

Копс Е.

Вторая партия. Свадебный марш в миноре / Е. Копс — «Автор», 2026

Сентябрьский круиз по Волге на белом теплоходе «Герда» обещал стать праздником жизни и музыки. Спустя год после трагедии, распавшийся оркестр снова собирается на борту, чтобы сыграть в Плёсе концерт памяти дирижёра и отпраздновать четвёртую свадьбу Тамары.Но за фасадом веселья и блеском восьмиэтажного свадебного пирога скрывается слишком много фальшивых нот. Идеальный жених путается в фактах о собственном детстве и ведёт тайные ночные переговоры. В старом рояле обнаруживается потайная ниша, а в Угличе на борт поднимается антиквар с опечатанным футляром — якобы пропавшей скрипкой Гваданини.Когда старые тайны оборачиваются смертельной опасностью, альтистке Варваре Мироновой, капитану Николаю Рябинину и проницательной Эмилии Карловне предстоит вслушаться в каждую деталь, чтобы вычислить преступника, пока «Герда» не причалила к берегу.

© Копс Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Финал. Первая партия 10
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Елена Копс
Вторая партия. Свадебный марш в миноре

– На кого? – Он слабо, устало пожал плечами. – На Анатолия? Нет. На отца? Тоже нет. Он делал то, что делал: брал плату за молчание. Но он был моим отцом. Я его любил. И я никогда не пойму, как человек может быть одновременно таким и таким.

– Я тоже, – сказала Варвара.

– Вот. – Он слегка улыбнулся. – Значит, мы хотя бы не одни.

Он ушёл к своему стулу, и она проводила его глазами, думая о том, что в этой странной истории, где каждый оказался не тем, кем казался, самым честным из всех был, пожалуй, человек, который ничего не скрывал: не уважал отца за то, что тот делал, и любил за то, кем он был.

* * *

В седьмой каюте она переодевалась долго, не торопясь, под внимательным жёлтым взглядом Боцмана, который устроился на койке, подобрал под себя лапы и следил за каждым её движением, как следят за священнодействием. Красное платье она сняла с крючка бережно, как снимают что-то живое, и несколько секунд просто держала его в руках, перед иллюминатором, где к вечеру плыл мягкий, розоватый свет. Платье пахло лавандой и чуть-чуть деревом. Оно висело здесь четыре дня и за это время, кажется, научилось дышать вместе с каютой.

– Ну что, – сказала она коту. – Нормально?

Боцман моргнул один раз. Это, как она давно поняла, означало «допустимо».

Она оделась, заколола волосы, постояла перед маленьким зеркалом над раковиной. Из зеркала на неё смотрела женщина, которую она знала: чуть усталая, с тонкими морщинками у глаз, с узкими плечами, и в то же время другая, которую она не видела раньше: выпрямленная, спокойная, как будто несла в себе что-то, чему не нужно было объяснений. Она подумала: это платье я купила на случай. Теперь случай пришёл.

Перед выходом она открыла маленький ящик в столике, тот самый, с латунным кольцом, который не заедал. Лист в клетку лежал там же, где и в первый день, «Этот тоже не заедает. Проверял. Н. Р.», рядом с тем, что она давно привезла из Тарусы, и ещё с одним, новым, которого она не помнила: сложенным вчетверо, чуть смятым, с тёмным пятном на уголке, как от кофе. Она развернула.

«Сегодня я прочту речь. Она у меня в кармане. Там есть слово «судьбоносный». Если оно тебе не понравится, можешь не слушать. Н. Р.»

Она засмеялась. Тихо, одним горлом, закусив губу, и потом долго стояла, держа этот листок, перечитывая и смеясь, пока по щеке, не спеша, не торопясь, не спрашивая разрешения, не скатилась слеза.

Вышла она в начале восьмого. В коридоре было пусто, красная дорожка мягко глушила шаги, и у восьмой каюты она остановилась. Дверь, коричневая, лакированная, с криво повешенной латунной цифрой, всё так же стояла закрытой. На медной ручке всё ещё висела тонкая чёрная ленточка, а у порога, в стеклянной вазе, стояли астры: фиолетовые, белые, потемневшие по краям, уже уставшие.

Она взяла ленточку двумя пальцами и осторожно, как снимают с человека повязку, развязала узел. Ленточка соскользнула в ладонь, лёгкая, шёлковая, чуть влажная. Она сложила её втрое и убрала в рукав платья. Потом подняла вазу, и, держа её двумя руками, пошла по коридору к трапу.

На причале уже горели свечи. Она спустилась по ступеням, остановилась у самой воды, у той крайней ступени, где ещё утром стояла банка с первой свечой, и поставила вазу на камень. Астры слегка покачнулись. На воде, чуть выше, плыла дымка, и в ней, в мягком золотом свете, горели десятки маленьких огоньков.

– Вот, – сказала она тихо. – Это тебе. Я знаю, ты любил, хотя не признавался.

Ей показалось, что где-то далеко, над рекой, ответил колокол, но, может быть, это был просто ветер.

* * *

К половине восьмого на причале собралось всё, что должно было собраться. Туман, давно сошедший с воды, вернулся к вечеру уже лёгкой, тонкой, золотой дымкой, сквозь которую далёкие холмы казались нарисованными акварелью, и над Волгой, над белым теплоходом, над каменными ступенями стояла та тихая, ясная, чуть печальная осенняя тишина, какая бывает только в Плёсе, и только в сентябре.

Зинаида Петровна расставила свечи. Их было так много, что вдоль всей воды, от самого трапа до дальней тумбы, тянулась тонкая, неровная, мерцающая линия, и каждая банка стояла на своей ступеньке, как маленький фонарик. На «Герде» горели все лампы и гирлянды Пал Палыча: на мачте, на леерах, на поручнях, и теплоход светился так тепло, ярко, домашне, что издали казался чьим-то большим, добрым, праздничным домом.

Стулья расставили полукругом, спинкой к воде, лицом к ступеням, где должны были сидеть музыканты. Кроме оркестра, зрителей было немного: Зинаида Петровна с Костей, Пал Палыч, Эмилия Карловна с Бемолем, Даша, Свиридов с Артёмом, который, надев белые хлопчатобумажные перчатки, стоял по стойке «смирно» у стула, предназначенного для скрипки, и Гоша, трезвый, бледный, в выглаженной рубашке, державший в руках папку с нотами, как держат икону. Пряхин сидел на скамье в стороне, один, с кепкой на коленях.

Ближе к восьми на набережной показался человек. Он спускался по лестнице медленно, неуверенно, как идут по незнакомому месту, и Варвара узнала его издалека: тёмное пальто, портфель, острые плечи, нервное, бледное лицо. Фёдор Ратнер дошёл до причала, остановился у крайней свечи и постоял, глядя на «Герду».

– Здравствуйте, – сказал он, когда Николай Андреевич вышел встретить. – Я не помешаю?

– Нет.

– Я не мог не приехать. Я был в Ярославле, оформлял бумаги, потом вспомнил: отец сегодня должен был... – Он осёкся. – Он любил концерты. Особенно такие, как этот. Я думаю, ему было бы приятно, что я здесь.

– Конечно.

– Я посижу сзади.

Он нашёл свободное место на последнем стуле и сел, положив портфель на колени, и Варвара, проходя мимо, заметила, что он ни на кого не смотрит: только на воду, на тонкие, дрожащие огоньки свечей, на тёмную, спокойную, молчаливую Волгу.

Тамара пришла последней. Она спустилась по трапу в тёмно-зелёном платье, с тугим узлом волос на затылке, без шляпы, без украшений, прямая, строгая, чужая, и в руках у неё не было ничего, кроме тонкой, чёрной сумочки. Она остановилась на нижней ступеньке и обвела глазами людей, которых знала много лет. Кто-то поднялся ей навстречу, кто-то отвёл глаза. А в самом конце полукруга, на отдельном стуле, сидел человек, которого она не искала и всё равно увидела.

Валентин сидел один, сбоку, на самом краю, в тёмном пиджаке, с руками, сложенными на коленях. Он не поднял головы, когда она вошла. Только слегка, едва заметно, выпрямил плечи.

Тамара прошла мимо него. Не остановилась, не повернула головы, не кивнула. Прошла к первому ряду, села рядом с Эмилией Карловной, и та, не говоря ни слова, молча, крепко, сжала её руку. Бемоль, лежавший у них в ногах, перевернулся и положил морду ей на туфлю.

Варвара вышла последней. Она шла по палубе в красном платье, том самом, которое висело в седьмой каюте на крючке с первого дня, длинном, до щиколоток, с узкими рукавами и тихим вырезом, и платье это, купленное когда-то в спешке, на случай, которого она не знала, села так, словно его шили на неё много лет. Волосы она заколола низко, на затылке. Альт нёс Николай Андреевич: он ждал у трапа, в парадном кителе, с футляром в руках, и, увидев её, на секунду замер.

– Ты в красном, – сказал он.

– Да.

– Тебе идёт.

– Мне сказали, что траур нужно играть в красном. Честнее.

– Правильно сказали. – Он слабо, чуть сдавленно улыбнулся и протянул ей футляр. – Возьми. Он тёплый. Я держал.

Она взяла. Они стояли так секунду, лицом к лицу, и в тишине между ними, в этом коротком, почти незаметном мгновении, было столько всего, что слова оказались не нужны. Он коснулся её руки, коротко, сухо, как касаются у трапа, и сказал:

– После концерта.

– После.

Она сошла на причал.

Оркестр собрался на каменных ступенях, спиной к воде, лицом к стульям. Лаврентьев стоял в центре, высокий, прямой, в чёрном костюме, который Варвара видела на нём только на репетициях в Москве, и рядом на подставке, у его ног, лежал футляр, чёрный, кожаный, с открытой крышкой. Артём, торжественный, как часовой, стоял рядом. Даша, чуть поодаль, держала в руках простыню и тонкие перчатки, и Варвара подумала, что девочка, наверное, не отпустит эту скрипку, пока не доведёт её до конца: сначала до плеча, потом до первой ноты, потом до последней.

Лаврентьев достал её из футляра. Он поднял скрипку в ладонях, как поднимают на руки спящего ребёнка, и несколько секунд просто держал её перед собой, не прикладывая к плечу. Варвара видела, как у него подрагивают пальцы. Потом он поднёс её к подбородку, коснулся щекой деки, закрыл глаза, и по лицу его, по строгому, измождённому, с глубокими морщинами, медленно, без звука, потекли слёзы.

– Готовы? – спросил он, не открывая глаз, и голос его прозвучал хрипло, чуть сдавленно.

– Готовы, – ответила Варвара.

– Хорошо.

Он открыл глаза и обвёл взглядом оркестр, одного за другим, как смотрят на людей, с которыми долго не виделись и которых теперь не хочется отпускать. Потом поднял смычок.

В эту секунду на ступенях, слева, послышался негромкий, ровный голос:

– Подождите. Пожалуйста. Одно слово.

Все повернули головы. Маргарита Эдуардовна, в тёмном платье, прямая, без брошки, с серым шёлковым шарфом на плечах, стояла у края освещённого круга. Она подошла медленно, не опираясь ни на чью руку, и остановилась на нижней ступеньке, лицом к зрителям. Свечи освещали её снизу, мягким, дрожащим светом, и в нём лицо её казалось совсем молодым.

– Я не умею говорить речи, – сказала она. – Но на этот раз скажу несколько слов, потому что иначе мне нельзя.

Тишина стала такой, что слышно было, как в ближайшей банке потрескивает фитиль.

– Год назад на этом месте умер человек, которого я не умела любить вслух. Три дня назад на этом корабле умер другой, которого я боялась. Сегодня утром увезли третьего, которого я

не умела слышать. Я виновата перед всеми тремя, каждым по-своему. Я не прошу прощения. Это слово принадлежит тем, кто его даёт. – Она слегка повернула голову, и в свете свечей на секунду блеснули её глаза. – Я скажу только, что шесть лет молчала там, где нужно было говорить. И что сегодня моё молчание кончилось.

Она остановилась, перевела дыхание.

– Эта скрипка принадлежит мне. Нет: принадлежала. Теперь она принадлежит тому, кто на ней играет, и тем, кто слушает. Игорь Павлович играет на ней потому, что он имеет на это право. Не по бумагам. По тому, что он сделал за эти годы, не зная, что делает.

Лаврентьев стоял неподвижно, со скрипкой у плеча, и по его строгому, худому лицу, не вытираясь, текли слёзы.

– Больше мне сказать нечего. – Маргарита Эдуардовна слегка склонила голову. – Прошу вас. Играйте.

Она отступила к краю освещённого круга, и Эмилия Карловна, сидевшая в первом ряду, молча, не оборачиваясь, подвинулась, освобождая место. Маргарита Эдуардовна села рядом, прямая, неподвижная, сложив руки на коленях поверх серого шарфа, и Бемоль, лежавший у ног тёти, тихо, примирительно вздохнул.

Лаврентьев поднял смычок.

Финал. Первая партия

Он начал с «Чаконы». Не с «Арии», как значилось в программе, не с лёгкой, ровной, приготовительной вещи, которой принято открывать вечер. Он сказал вполголоса, не оборачиваясь: «Пока держат руки», и никто не возразил.

Первая нота была тихой. Такой тихой, что Варвара, стоявшая в трёх шагах, на каменной ступени, с альтом в руках, сначала почувствовала её: тонкую, медленную дрожь воздуха, как перед грозой, когда ещё нет ни звука, ни ветра, а всё уже знает. Потом нота выросла, глубоко, изнутри, как растёт корень, и пошла по воде.

Она слушала профессионально, привычно, как слушала всю жизнь: тембр, обертоны, ровность смычка, опору. Но уже на втором такте поняла, что слушает неправильно. Что это не вещь, которую нужно оценить. Что это голос.

Скрипка пела так, как говорят очень старые, очень мудрые люди: негромко, чуть хрипловато, с каким-то глубоким, тёплым, живым дыханием, в котором слышно всё, что они видели, и всё, о чём молчат. В верхнем регистре, в тех местах, где копия, на которой Лаврентьев играл семнадцать лет, звенела чисто, сухо и немного пусто, этот звук поднимался и становился другим: светлым, плотным, с мягким серебряным краем, который невозможно подделать, потому что он принадлежит чему-то вне дерева, лака и мастерства, чему-то, что накапливается в вещи годами.

Верхний голос, подумала Варвара. Тот самый, о котором он говорил.

Лаврентьев играл, закрыв глаза. Он не двигался, почти не раскачивался, только смычок шёл по струнам ровно, плавно, как идёт по воде лодка, и пальцы левой руки, длинные, сухие, старые, ложились на гриф не торопясь, одно за другим, как кладут руку на плечо человека, которого давно не видели. Музыка текла. Она шла в вариациях, всё глубже, всё печальнее, всё ближе к тому месту, где Бах, никогда не писавший ничего лишнего, вдруг, посреди строгой, математически выверенной формы, позволяет себе остановиться и просто вздохнуть. И Лаврентьев вздохнул вместе с ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.